

Светлана Бломберг

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Достояние 2018

Светлана Бломберг
Проще простого
© С. Бломберг
ISBN 978-965-7672-32-7

Для связи с автором:
blomberg@form.co.il
sblomberg.ru

«Достояние»
Иерусалим, 2018

Издательство
«Достояние»

***Все виды издательских работ,
в том числе электронные книги***

I

* * *

Поле очнулось в холодной росе,
треснуло яблоко с червоточиной,
лопнул фонарь

на пустынном шоссе –
брызги стекла

на рифленной обочине...

Время подвохов

с багрянцем и золотом,
время предутреннего ветерка,
света дневного

в лампах расколотых,
красного яблока и молока.

* * *

Л. Е.

Какие были игры и затеи,
и топот, и мячей тяжелый стук!
Взахлеб глотал любой
 привычный звук
наш школьный двор:
он знал, что опустеет,
дождь вскоре смоеет
 клетки для игры,
начерченные на асфальте мелом,
и ветер по площадке опустелой
протащит шлейф
 конфетной мишуры,
и, как вода, над мячиком трава
сомкнется, заживут колени,
промчится лето,
 минет жизнь сама...
Но за воротами нам больше
нет спасенья.

* * *

Ты – на финских санках
 под снежком,
ты – в узорной шапке с гребешком,
ты – король проселочных дорог,
отшвырни дорогу из-под ног,
не придерживая за собой ветвей –
пусть хлестнут
 оставших побольней!

* * *

Тропинка вдоль
 заброшенного сада,
кусты обрызганы парным дождем...
Старуха-яблоня задушена плющом,
три яблока – вот вся ее отрада.
Но где же этих мест
 извечные враги –
мальчишки из домов окрестных?
Состарились и в землю полегли,
и в красных яблоках
 опять воскресли.
Походкой тяжелой к яблоне придет
беременная женщина босая
и яблоки с собою унесет,
к груди их,
 как младенцев, прижимая.

* * *

Мой проводник по времени,
куда летит вагон?
И как тебя по имени?
Твой поезд – сон.
Чай горький, залпом выпитый...
Но кто любовью сыт?
В стакане бьется ложечка,
вагон летит.

* * *

Своя страна для эллинов тесна:
присели на пороге гор Кавказских.
Им ноги лижет море в пенной ласке,
их охраняет горная стена,
их невода удачею кипят,
ладьи везут товар краснее солнца...
Но души-ласточки в Элладу улетят,
едва зима Горгиппии коснется.

* * *

В ту осень мы не наблюдали чисел,
и, как ночлежка, жизнь была убога.
Запрыгали обрывки старых писем
по глинистым
 расхлябанным дорогам.

Мы видели, что осень уступает,
и золото свою теряет ценность,
и за бесценок ветер покупает
у леса наготу и откровенность.

Мы приучили тучу к нашей крыше,
и дождь к нам
 неизменно возвращался,
а рыжий кот в листве
 такой же рыжей
себя не различил и потерялся...

* * *

Между листьев опавших
каштан отыскать,
обогреть, как пропащую душу,
на холодный залив оглянуться,
понять:
море – лишь продолжение суши.

Нет границы условнее,
чем горизонт.
Лепет совести прячется в хоре
звезд и листьев, слетающихся
в хоровод...
Небо – лишь продолжение моря.

У костра, наблюдая за танцем огня,
словно к брату, тяну к нему руку.
Я уверена, он не обидит меня,
он и я – мы родные друг другу.

* * *

Я привыкаю жить на сквозняке,
по нитке покрывало распуская,
я зажимаю сердце в кулаке,
чтобы не вырвалось

и не вернулось в стаю –
в цыганский табор облаков и звезд,
лучи да тучи приручив, скитаться,
у ветра в гриве

бубенцом болтаться...

Но мир меж нами разведен,

как мост.

* * *

Ты видишь – падает звезда
на дно канала?
Она светила нам всегда,
и вот упала,
сливаясь прямо на глазах
с гнилой водою...
Но ангел ранку в небесах
прикрыл собою.

* * *

Ковчег бумажный еле на плаву –
не тягостны заботы и сомненья,
но тяжек сон – янтарную смолу
он льет в пробоины

убогого строенья.

В тюрьме плавучей,

в четырех стенах,

мы спим, не различая

голос шторма,

из века в век скитаясь на ветрах
безропотно, смиренно и покорно.

Бумажный голубь

не покинет клетки,

не бросит остролистой ветки...

И, радуги не видя над собой,

не ведаем, как тяжек наш покой.

* * *

Вот день отошел, в себя не придя,
без покаянья.

Поля залегли
 в предвкушеньи дождя,
полны ожиданья.

Где небо сворачивается в рулон
засвеченной пленкой,
неведомый путь дрожит, раскален,
над старой бетонкой.

А вещи и имени вместе не быть,
союз их распался...
Беги без опаски туда, где ступить
никто не решался.

* * *

Станет мне скучно. Ни свет ни заря
выйду на площадь
и встану посередине.
Чья это площадь? Просто ничья.
Имя Свободы дано ей
по этой причине.

Меня подхватит весенний смерч,
я буду плевать
чешуйки ольховых почек
в глаза всем встречным,
чтоб им не успеть
затормозить мой полет
и сделать его короче.

Как жаль – со мной
ты не будешь там,
ты, обладатель
лично своей свободы,
богач! Но я грошик тебе подам
из тех, что солнце бросает в воды.

Таллин

1.

Улеглась суета отошедшего дня,
Длинный Герман,

как прежде, влюблен.*

Как ему надоела людская возня,
он устал от гербов и знамен...

И девчонкой шальнойю

звезда подмигнет

спекулянтам в торговых рядах:

мол, покуда любовь в этом камне
живет,

город наш не рассыплется в прах!

2.

Сгустился мрак со всех сторон,
спит рыцарь городской,

* Согласно легенде, Длинный Герман (башня замка Тоомпеа, где расположено правительство Эстонии) влюблен в башню Толстая Маргарита. Он ее видит, она его – нет.

и будет город занесен
не снегом, а тоской.
По крыши заметет дома,
сугробы глубоки...
Лишь детям по душе зима –
такие чудачки!

3.

Дома теряет город в мутной мгле,
и над землей глумится снегопад,
химеры приближаются к земле
и флюгерами бешено скрипят.
Бессонный сторож,
вечный часовой,
сойди на площадь, латами звеня,
ворота крепко-накрепко закрой
и в этот город не пускай меня.

II

* * *

В поезде ночь. Все спят.
Темень. На шпалах смоль.
В окна сбоку летят
звезды – сахар и соль.
Никто много дней подряд
высунуться не мог:
душу сносило назад,
как сигаретный дымок.
Мимо, мимо бегут
сонные города...
Куда я держала путь?
Зачем забрела сюда?
Кто решил, что составы
надо тащить во тьму,
и по какому праву
доверилась я ему?

* * *

«Да как же так?» –
шептали мне кусты,
«Куда? Зачем?» – вослед
скрипели двери.
Чужая жизнь шагнет из темноты,
и кресла выгнут спинки,
словно звери.

А за окошком дождик проливной,
но гром не гром,
игрушка-погремушка.
Самообман, иллюзия, ловушка...
Зачем я здесь, и кто это со мной?

Я, кажется, сюда на праздник шла?
Он кончился до моего прихода.
Остались чашки посреди стола
да календарь не нынешнего года.

* * *

Море по привычке приласкает
Яффо, как законную жену.
Смуглый мальчик камешки бросает
в жестяную ржавую луну.
В звездном
коммунальном коридоре
меж землей и небом одинок,
он босой ногой пихает море
в надоедливый тяжелый бок.
Тени, будто рваные пожитки,
брошенные в спешке на песке...
Город белой шоколадной плиткой,
оплывая, тает вдалеке.

* * *

Дождь упорный, дождь деловой,
как еврей на субботней молитве.
Гром и молния в праведной битве
защищают фронт грозовой.

Ветер рыщет с опросом: а где
это слово, что было вначале?
Только в их заповедном труде
нет ни радости, ни печали...

* * *

Он шагал весь день
из последних сил,
засветилось во тьме окно.
Он вошел в избу и воды попросил,
и ее превратил в вино.

Молодая вдова по глаза в платке
разводила огонь в печи.
Он погладил ее по смуглой руке
и накинул наряд из парчи.

На столе не глиняные горшки,
а хрусталь и китайский фарфор...
Он ушел. Все исчезло.

Хозяйка с тоски
целый день белила забор.

* * *

Как твоя жизнь, лесная
 травинка моя?
Все ль тебе ладно?
 Солнца и влаги хватает?
Дышит шуршащая суть –
 суета бытия,
как бумага из принтера,
 дни вылетают.
Жесткими дисками годы
 ложатся на ствол,
лес как архив мелодий
 жизни и смерти.
Ландыши поят
 нектаром забвения пчел,
белыми пальцами перебирая
 всемирные сети.
Выстелят свой хоум-пейдж
 мхом и травой,
тонко заткут кружевную
 березовой тенью...
Что это было? Со мной, не со мной?
Помнишь меня? Хотя бы солги
 во спасенье.

* * *

Что делать мне, заложнице зимы?
Декабрь с утра канючит, как убогий,
тепла и ласки, а с приходом тьмы
колючей крошкой сеет по дороге.

Спаси меня! Смотри:
мой дух ослаб,
что соткала, всё расплзлось
на нити...

Идет циклон,
растлитель снежных баб
и флюгеров коварный совратитель.

Спаси меня! Мечтаю улететь
в твои края, где перед Новым годом
поют и пьют, где могут отогреть
горячим чаем, вересковым медом.

* * *

– Не пожалей мне ласковых слов,
все ли ты их еще помнишь?

Летний словарь

многословных лесов

я отошлю тебе в помощь.

– Слов этих я не найду в словаре,
сгнули вместе с листвою.

Так тяжелы снега на траве,
но не болит неживое.

Я не хочу ни воды, ни вина,
зря ты над хлебом колдуешь.

Я не припомню твои имена –
значит, ты не существуешь.

* * *

Можно с прошлым спорить
и сражаться,
можно с тем, что было, согласиться,
нужно – но никак не научиться
никогда назад не возвращаться.

* * *

Как закладку из сказок дождя,
я поймаю лист на лету.

Я хочу на весах октября
взвесить истины, эту и ту.

Эта яблоком ляжет в ладонь
и придется как раз по руке,
та все мечется в березняке,
из рябин высекая огонь.

Эта – рыжая кошка в тепле,
та, как белка на старой сосне,
эта – малый ребенок во сне,
та, как всадник на скакуне.

Эта – преданность без любви,
та – предательство от тоски,
с этой ты жила и живи,
ту ветра разнесут на куски.

* * *

Ноябрь помнит, что была тоска,
что после теплых дней
пришла усталость.

Усталость отвалилась.
Что осталось?

Ни яблока в саду,
ни в поле колоска.

И скоро туч и снега суета
подхватит лист,
оторванный без боли.

Лоскут души трепещет
в чистом поле,

жизнь выкипела, и душа пуста.

В тумане растворился путь,
все связи обрывает осень,
от корня оторвет и бросит,
обшарит мир, чтоб каждый
ствол обдуть.

Пусть в каждой капле
мутного дождя

отражены известные пределы,
но умирает каждый за себя,
хотя когда-то, гимны шелестя,
вся крона дерева была

единым целым.

Бессмысленно цепляться
за стволы.

Нет, не оттянешь срока,
что отпущен.

Лист бьется в ужасе
перед грядущим,

Снега его белым-белы.

* * *

Город шелком закатным прошит.
Чуть покачиваясь на путях,
мимо шустро трамвай прошуршит,
словно праздник, в ярких огнях.
Звезды важные, как на парад,
ветер, теплый пушистый щенок,
в ноги броситься каждому рад,
всем, кто грустен и одинок.

* * *

Среди нас обретают пристанище
детские души
в мире глупых запретов
и четких извечных границ –
примеряют одежду,
смеясь и условности руша,
и сдирают ее, если жмет,
теряясь средь масок и лиц.
Эти легкие души попробуют
разные формы
ради той, что сойдется точь-в-точь
и станет навеки тобой –
твердым именем, прочным сосудом
и нормой,
станет личным застенком
и одиночной тюрьмой.

* * *

Полоса отчужденья...
Когда наступает весна,
я шагаю, охвачена
жаждой движенья,
вдоль железнодорожного полотна
к полосе отчужденья.

Лай собак, скрип колес
и людей голоса,
жизнь идет за кустом
раззолоченной вербы.
Свой закон – отчуждения полоса:
мир любви, мир надежды и веры.

Под неистовым солнцем
рельсов блеск голубой,
и меня неизбежное
ждет возвращенье...
Жизнь, как поезд, мелькнет.
Я стану травой
в полосе отчужденья.

* * *

Пусть нас уносит в никуда
и не спастись,
пусть не останется следа –
не суетись.
Людская жизнь, она была
всегда такой:
лишь след от птичьего крыла
в воде речной.

* * *

Я потерянных нахожу,
эта роль мне с рожденья досталась.
Дай ладонь, я в нее положу
не любовь, но нежность и жалость.
Без опаски иди между строк,
лабиринтом забот и событий –
это нежности жалкий клубок,
это жалости нежные нити.

* * *

Горлинка рыжая тянется за зерном,
чует, как с тростником

беседует ветер.

В этих краях жалеют

лишь об одном:

боги в отлучке, осиротели их дети.

Море в угоду им хочет

казаться ручным,

ластится, кинется в ноги

по первому зову...

В бывших жилищах богов

удушливый дым,

пляшет огонь, к опасным забавам

готовый.

Ветер звереет при виде живого огня
и потому за себя

ручаться не может...

Книгу закроет ребенок,

ко сну отходя,

перышком птичьим

страницу заложит.

* * *

Равнодушные дети
первых насквозь
промерзших трамваев,
насильно разбуженные,
насильно одетые –
валенки, мутоновая шубка,
варежки на резинке,
за ночь подсохшие на радиаторе,
вкус зевка на пустой желудок.

Трамваи тащатся
в анемичном свете прожекторов
в самый гиблый, сырой
предрассветный час
вдоль бесконечных заборов
из Копли вверх, на Маяка,
с Маяка – вниз, в Копли –
недетская карусель,
встречные перевозки обреченных –
тебя все равно оторвут от мамы
и уведут
есть манную кашу и пить
кофе из цикория.

Никто не знает, когда
 разомкнется круг,
мир сойдет с рельсов
и потащит от привычного ужаса
 в неизвестность.

* * *

Твоя остановка.

Что ж ты медлишь?

Застыла в дверях, оглядываешься.

Ждешь, что кто-то

бросится вдогонку:

«Постой, не уходи...»?

Как бы не так.

«Да ты выйдешь, в конце концов?!» –

и толчок под ребро.

В самом деле,

в этой поездке

изорвали в клочья душу,

стоит ли жалеть

об оторванной пуговице?

* * *

Почему бы не выпить
на Балтийском вокзале,
почему бы не выпить
среди рельсов, фонарей, суеты,
почему бы не выпить там,
в уголке за пригородной кассой?
Из бутылки хлебнуть, ну,
ты помнишь,
с тремя топорами на этикетке –
хлебнуть, а потом
посмотреть вслед
уходящему в ночь
ленинградскому поезду...
Почему бы не выпить на
Балтийском вокзале?
Ленинградский поезд
ушел навсегда,
и бутылка пуста.

* * *

Девочка провожает
 кошачьим взглядом
снующий меж машин велосипед,
парень едет,
небрежно прижимая
большое зеркало локтем
как уверенно сидит он в седле
как настойчиво крутит педали
зеркало пересекают
два манекена в витрине,
старушка с палочкой,
семейство с детской коляской,
мальчишка на роликах,
девушка на шпильках,
потерянный шекель,
собака,
пара хасидов в черных шляпах,
старый и молодой,
воробьи, успевая
биться насмерть за муху,
мужские трусы на веревке

усмехается кто-то
покусывая перышко
из своего крыла.

* * *

Ах, какие туфельки!
Белый атласный верх,
серебряная пряжка,
благородно скругленный носок
и тонкий каблучок,
который, наверное,
так звонко стучал бы
по белому камню
иерусалимских мостовых!

Я бы никогда
не бросала их в прихожей
как попало,
а протирала после каждой прогулки
и укладывала в коробку.

Но они так и останутся
по другую сторону стекла
на витрине
в музее Аушвица,
а я каким-то чудом
стою на этой.

* * *

у меня нет ни отца ни матери
у меня нет ни сестры ни брата
у меня нет ни кошки ни собаки
у меня нет ни дома ни угла
у меня нет ни серебра ни золота

а как насчет Бога
у меня нет Бога
зато я есть у него

СОДЕРЖАНИЕ

Поле очнулось в холодной росе...	5
Какие были игры и затеи...	6
Ты – на финских санках...	7
Тропинка вдоль...	8
Мой проводник по времени...	9
Своя страна для эллинов тесна...	10
В ту осень...	11
Между листьев опавших...	12
Тягучий теплый мед...	13
Я привыкаю жить на сквозняке...	14
Ты видишь – падает звезда...	15
Ковчег бумажный еле на плаву...	16
Вот день отошел...	17
С порога скидывая все печали...	18
Станет мне скучно...	19
Таллин	
Улеглась суета отошедшего дня...	20
Сгустился мрак со всех сторон...	20
Дома теряет город...	21
В поезде ночь. Все спят...	25
«Да как же так?»...	26
Море по привычке приласкает...	27
Дождь упорный, дождь деловой...	28
Он шагал весь день...	29

Как твоя жизнь...	30
Что делать мне...	31
Не пожалей мне ласковых слов...	32
Можно с прошлым спорить...	33
Как закладку из сказок дождя...	34
Ноябрь помнит, что была тоска...	35
Город шелком закатным прошит...	37
Среди нас обретают...	38
Полоса отчужденья...	39
Пусть нас уносит в никуда...	40
Я потерянных нахожу...	41
Горлинка рыжая...	42
Непрочные шаткие стены...	43
Равнодушные дети...	44
Твоя остановка...	46
Почему бы не выпить на Балтийском вокзале...	47
Девочка провожает...	48
У меня нет ни отца ни матери...	50